

**КОНТАКТНО-ОБУСЛОВЛЕННАЯ
РЕОРГАНИЗАЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
В СИТУАЦИИ УТРАТЫ ЯЗЫКА:
КОНТРОЛЬ РЕФЛЕКСИВОВ В ПОЛИПРЕДИКАЦИИ
В НАНАЙСКОМ ЯЗЫКЕ***

© 2018

Наталья Марковна Стойнова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, 119019, Российская Федерация; stoynova@yandex.ru

В статье рассматриваются правила употребления рефлексивных показателей в полипредикации в нанайском языке (тунгусо-маньчжурская группа). В «Грамматике нанайского языка» В. А. Аврорина (1959) описана система, при которой контролером легкого рефлексива в зависимой клаузе последовательно оказывается субъект главной клаузы, а контролером тяжелого — субъект зависимой. Система, наблюдаемая у современных носителей, заметно отличается от описанной и крайне ограниченно допускает контроль рефлексива через границу клаузы. В работе предлагается интерпретация наблюдаемых данных в более общем контексте постепенной утраты языка и интенсивных языковых контактов.

Ключевые слова: нанайский язык, полипредикация, рефлексив, русский язык, тунгусо-маньчжурские языки, языковой сдвиг, языковые контакты

**REFLEXIVES IN DEPENDENT CLAUSES IN MODERN NANAI:
CONTACT-INDUCED STRUCTURAL CHANGE
AND LANGUAGE ATTRITION**

Natalia M. Stoynova

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences,
Moscow, 119019, Russian Federation; stoynova@yandex.ru

The paper deals with the use of reflexive markers in dependent clauses in Nanai (Tungusic). V. A. Avrorin describes this system in the following way in his “Grammar of the Nanai language” (1959): Light reflexives in dependent clauses behave consistently as long-distance reflexives, and heavy reflexives behave as local ones. However, modern field data show a different picture, that of a system with a very limited range of long-distance contexts. The hypothesis advanced in this paper is that a rapid grammatical change takes place and that this change is motivated by sociolinguistic factors, namely contact influence of Russian and language decay.

Keywords: language contact, language attrition, long-distance reflexives, Nanai, reflexives, polypredication, Russian, Tungusic languages

1. Введение

В работе будут рассмотрены некоторые грамматические явления нанайского языка, а именно правила употребления рефлексивов в полипредикативных конструкциях, в контексте постепенной утраты языка.

* Работа выполнена в рамках проекта Президента РФ МК-3158.2017.6 «Полевое исследование контактного влияния русского языка на грамматику вымирающих языков РФ: на материале диалектов нанайского и ульчского языков».

Нанайским языком традиционно называют целый ряд близкородственных идиомов, распространенных на территории Хабаровского и частично Приморского края, а также в Китае. Ниже речь пойдет исключительно об амурских говорах нанайского языка, носители которых проживают в разных районах Хабаровского края. Этническая группа нанайцев в этом регионе сама по себе достаточно велика, однако число носителей языка существенно меньше, и все или практически все они двуязычны, то есть владеют также и русским языком (как правило, в совершенстве). Более того, нанайский язык на данный момент используется ими значительно меньше русского, в том числе и в повседневном быту; ср. данные Всероссийской переписи населения 2010 г. в таблице 1 (в той строке, где говорится о владении «родным языком», очевидно преувеличенные). При этом еще в первой половине XX в. положение резко отличалось от наблюдаемого (см. подробнее [Калинина и др. 2016]).

Таблица 1

Число носителей нанайского языка на территории России, перепись 2010 года

Число нанайцев	Владеющих нанайским языком	Владеющих русским языком
12 003 (100%)	1347 (11%)	11 994 (99%)

В общих социалингвистических терминах, которые будут использоваться ниже (см. обзор принятой терминологии в [Sasse 2001]), наблюдаемую ситуацию можно охарактеризовать как постепенную утрату языка (*gradual language death*), или языковой сдвиг, при котором основной (*primary*) язык сообщества не совпадает с первым по времени усвоения (L1). Нанайский язык можно рассматривать как L1 (для среднего и старшего поколения), который оказывается при этом для носителей неосновным (*secondary*), а с точки зрения языкового сдвига рецессивным (*recessive*, утрачиваемым); русский язык — как L2 (а для младшего поколения этнической группы и L1), основной (*primary*) и доминирующий (*dominant*, тот, на который постепенно переходит языковое сообщество).

В сфере грамматики подобная социалингвистическая ситуация, как ожидается, может приводить к а) контактно-обусловленным изменениям, б) ускорению и экспансии внутренних структурных изменений. В этом контексте русский язык будет ниже характеризоваться по отношению к нанайскому как язык-донор, или язык-источник (*source language*), а нанайский по отношению к русскому как язык-реципиент (*recipient language*, *replica language*).

В свете этих ожиданий в статье будет рассмотрен один частный грамматический сюжет — система правил контроля рефлексива в полипредикативных конструкциях. Это, во-первых, достаточно сложный фрагмент грамматики. Менее компетентными носителями и полуносителями он может использоваться ограниченно или не использоваться вовсе, поэтому в нем в ситуации утраты языка можно ожидать особенно быстрых и резких изменений. Во-вторых, в своем изначальном варианте (судя по более ранним описаниям) этот фрагмент грамматики в нанайском языке сильно отличается от аналогичного фрагмента русской грамматики, поэтому интересно рассмотреть его в контексте возможного контактного влияния.

Данные описаний и примеры из более ранних текстов на нанайском языке свидетельствуют о стратегии, при которой рефлексив в зависимой клаузе последовательно контролируется субъектом главной, как в примере (1).

- (1) *əj inda_i [nəj məpɪ xalia-gila-j-wa-ni] məxə-xə-ni,*
 этот собака человек REFL.ACC.SG запрягать-DEB-PRS-ACC-3SG чувствовать-PST-3SG
ɕop ɕoɕa-xa-ni
 сразу убежать-PST-3SG

‘Эта собака_i почувствовала, [что ee_i запрягут], и сбежала’ [Оненко 1980: 279] — букв.: ‘почувствовала, что себя запрягут’¹.

¹ Синтаксически наиболее точным русским эквивалентом будет, видимо, ‘почувствовала свое запрягание’. Более подробно о синтаксической структуре нанайских полипредикативных конструкций см. раздел 3.2.

В эквивалентных (1) примерах из русского языка контроль рефлексива через границу клаузы невозможен, ср. русский перевод (1). Данные, полученные от современных носителей нанайского языка, демонстрируют «промежуточную» систему, в которой случаи контроля рефлексива в зависимой клаузе субъектом главной клаузы имеют место, но очень ограничено, см. таблицу 2.

Таблица 2

Возможности контроля рефлексива субъектом вышестоящей клаузы

Нанайский		Русский
Грамматика В. А. Аврорина (1959, данные 1940-х гг.)	Современные полевые данные (2015—2016)	
Основная стратегия	Очень ограничено: в определенных условиях	Запрещен (по крайней мере в прототипических союзных финитных зависимых клаузах)

При анализе подобного материала возникают следующие вопросы, в том или ином объеме рассматриваемые ниже.

1. Действительно ли мы имеем дело с (очень быстрыми) диахроническими изменениями?
2. Обусловлены ли они, и если да, то в какой мере, контактным влиянием русского языка, внутренними системными предпосылками, ситуацией распада языковой системы?
3. Есть ли свидетельства промежуточных стадий реорганизации системы, позволяющие более детально реконструировать ход грамматических изменений?
4. Какие фрагменты системы оказываются более, а какие менее стабильными?

Исследование опирается преимущественно на данные работы 2015 и 2016 гг. с четырьмя носителями нанайского языка: двумя носителями джуенского говора (ниже помечены инициалами Р. А. Д. — 1961 г. р., Дж. Г. Д. — 1957 г. р.) и двумя носителями найхинского говора (Н. С. З. — 1934 г. р., Н. Ч. Б. — 1937 г. р.). Более фрагментарные данные получены еще от трех носителей: носителя найхинского говора (Л. Т. К. — 1938 г. р.), носителя джуенского говора (П. Н. В. — 1961 г. р.) и носителя горинского говора (Р. А. С. — 1946 г. р.). Общие различия между говорами не существенны.

Все информанты в совершенстве владеют русским языком. Возраст полноценного освоения русского языка — от 7 до 10 лет (начальная школа). Во взрослом возрасте средством коммуникации для них были в том или ином объеме оба языка. На данный момент, в том числе и в повседневном общении, используется преимущественно русский. Интересное исключение — информантка Л. Т. К. с родным русским языком и выученным в детстве нанайским, которая в дошкольном возрасте попала в приемную нанайскую семью. Полученные в ходе работы с нею данные, впрочем, заметных последовательных отличий от данных, собранных у прочих информантов, не обнаруживают.

Работа с носителями проводилась следующим образом. Информанту предлагалось перевести полипредикативную конструкцию без совпадения участников с русского языка на нанайский (*Медведь знает, что лиса увидела зайца*). Далее в получившееся нанайское предложение в качестве одного из актантов ('зайца') подставлялось личное местоимение/легкий рефлексив/тяжелый рефлексив (в случае посессивной группы, соответственно, посессивный суффикс заменялся на рефлексивный: 'мешок зайца' > 'свой мешок'), об инвентаре рефлексивных маркеров см. раздел 3.1. Информанту давалось задание оценить получившееся предложение и предложить все возможные интерпретации. Стимулы по возможности подбирались так, чтобы ни одна из возможных интерпретаций жестко не навязывалась прагматическим контекстом. Вторым типом заданий была оценка предложений на нанайском языке с контролем через границу клаузы, взятых из текстов В. А. Аврорина и словаря С. Н. Оненко (некоторые — в несколько модифицированном, упрощенном, виде).

В качестве дополнительного материала по современному и более раннему состоянию нанайского языка привлекались данные текстов: а) выборка записей полевых текстов 2009—2013 гг. С. А. Оскольской, К. А. Шагала и автора; б) тексты 1980—2000 гг. из сборника нанайского фольклора [Бельды, Булгакова 2012], в) фольклорные тексты 1940-х гг. из сборника [Аврорин 1986], г) массив примеров из нанайско-русского словаря [Оненко 1980] (также в основном опирающихся на записи В. А. Аврорина)².

2. Исследования по контролю рефлексива через границу клаузы и усвоению правил употребления рефлексивов

Возможности контроля рефлексива через границу клаузы (*long-distance reflexives*, *long-distance anaphora*; ниже в русском тексте используются термины «контроль через границу клаузы» и «дистантные» vs. «локальные рефлексивы») очень широко изучались на материале разных языков. Прежде всего, это исследования в рамках генеративной парадигмы, в фокусе внимания которых оказываются вопросы глубинной синтаксической структуры рассматриваемых конструкций и соотношения наблюдаемого материала с более общими предсказаниями синтаксической теории. Повышенный интерес к этой проблематике во многом объясняется, в частности, тем фактом, что подобные случаи не вписывались в правила поведения рефлексивов (принципы теории связывания), сформулированные Н. Хомским [Chomsky 1981]. Из важных работ по этой теме можно, среди многих других, назвать статью [Cole et al. 1990], специальные сборники [Koster, Reuland (eds.) 1991; Cole et al. (eds.) 2001], а также прочие, в том числе более поздние, работы редакторов обоих сборников. Нас в данном случае глубоко-синтаксическая природа рассматриваемых явлений интересовать, скорее, не будет.

Что касается поверхностных типологических характеристик, присущих дистантным рефлексивам как единому классу, и основных параметров типологического варьирования внутри него, то они таковы (см. в особенности [Cole, Hermon 1998; Cole et al. 2006]). О дистантных рефлексивах утверждается, что они, как правило: а) морфологически простые (тогда как локальные могут быть и морфологически сложными, в том числе неоднословными) и б) строго ориентированы на антецедент-подлежащее (тогда как для локальных возможны и другие антецеденты). О некоторых (но не обо всех) дистантных рефлексивах известно, что они проявляют свойства нерефлексивных местоимений (прономиналов, т. е. не связываются, а вступают в отношения кореферентности с антецедентом) — последовательно или только в дистантных контекстах. Некоторые дистантные рефлексивы сближаются по свойствам с так называемыми логофорическими местоимениями (местоимениями, маркирующими совпадение/несовпадение с субъектом или адресатом речи в сентенциальных актантах при глаголах речи). Поведение многих дистантных рефлексивов регулируется разного рода дискурсивными факторами. Для некоторых дистантных рефлексивов наблюдается так называемый эффект блокирования, когда дистантная интерпретация оказывается недоступной при несовпадении лиц субъектов главной и зависимой клауз.

Несколько ближе к тому аспекту проблематики контроля рефлексива через границу клаузы, который обсуждается в настоящей статье, оказываются также достаточно многочисленные (и вдохновленные теми же теоретическими противоречиями, что и перечисленные выше синтаксические работы) исследования по усвоению дистантных рефлексивов детьми. В работе [Manzini, Wexler 1987] высказывается предположение о том, что в детской речи носителей языков с дистантным контролем рефлексива все равно сначала появляется локальный

² Ниже примеры из текстов типа (а) снабжены пометой «тексты 2009—2013», тексты из прочих перечисленных источников — соответствующей библиографической ссылкой, примеры с пометой «*elicit.*» переведены носителем нанайского языка с русского или сконструированы автором и предъявлялись информанту для оценки грамматичности и перевода на русский.

контроль рефлексивов и только потом система перестраивается в соответствии с правилами дистантного контроля. См. данные такого рода для китайского языка в [Chien, Wexler 1990]³.

Есть также работы, посвященные усвоению второго языка с отличной от первого системой контроля рефлексива, в частности: а) усвоению рефлексивов в английском языке носителями японского, китайского, корейского языков (для которых характерен контроль через границу клаузы) и, наоборот, б) усвоению рефлексивов в китайском, корейском, японском языках носителями английского. См., например, [Thomas 1993; Yip, Tang 1998; Akiyama 2002; Matsumura 2007; Domínguez et al. 2012; Song 2013] (и в том числе очень подробный обзорный раздел в последней работе). Многократно обсуждался тот факт, что носители языков с возможностью дистантной интерпретации рефлексива, усваивая правила употребления рефлексивов в английском языке, склонны интерпретировать как относящийся к субъекту главной клаузы рефлексив при инфинитивном обороте (*John wanted Tom to know himself*), тогда как в случае финитных клауз (*John_i thought that Tom_j was blaming himself*) подобного эффекта не наблюдается. Теоретический вопрос состоит в том, играет ли в этом роль собственно установка на дистантную/локальную интерпретацию рефлексива или (свойственная дистантным рефлексивам) ориентация на (прототипически оформленное и формально выраженное) подлежащее.

Наконец, отдельно следует упомянуть статью [Gürel 2004], в которой использование рефлексивных показателей исследуется с той же самой точки зрения, что и в настоящей работе. Единственное отличие состоит в том, что речь идет не об исчезающем языке, а о разновидности крупного живого языка, подвергшейся контактному влиянию в речи отдельных носителей: турецкий под влиянием второго английского. Также важно, что данные [Gürel 2004] касаются носителей, усвоивших второй язык уже во взрослом возрасте. В статье рассмотрены правила выбора между нулевым анафорическим средством (*pro-drop*), местоимением *o-* 'он/а' и местоимением *kendi-* 'сам' в позиции субъекта зависимой клаузы в турецком языке носителей, во взрослом возрасте эмигрировавших в США и Канаду. Исследование показывает, что второй язык может оказывать на этот фрагмент грамматической системы первого языка достаточно существенное влияние. Поскольку в нашем случае речь идет о полностью исчезающем первом языке, а не о речи отдельной социальной группы, имеющей доступ к его стандартному варианту, а также о более раннем усвоении второго языка, можно ожидать влияния не менее интенсивного.

3. Предварительные данные о рефлексивах и полипредикативных конструкциях в нанайском языке

3.1. Инвентарь рефлексивных показателей в нанайском языке

В нанайском языке представлено два морфосинтаксических типа рефлексивных маркеров:

- а) рефлексивные местоимения-существительные 'себя' (2): *māp-* (в аккузативе)/*mān-* (в остальных падежных формах), см. полную парадигму в таблице 3;
- б) рефлексивные посессивные суффиксы (3): *-i* ~ *-bi* в ед. ч., *-(w)ari* ~ *-(w)əri* ~ *-(b)ari* ~ *-(b)əri* во мн. ч., см. полную систему посессивных аффиксов в таблице 4.

- (2) *gə* *taj* *tuj* *bud-ki-ni=da* *māpi* *wā-xa* *nuči-du-i*
 вот тот так умирать-PST-3SG=EMPH REFL.ACC.SG убивать-PST маленький-DAT-P.REFL.SG
 'Вот этот так и умер, Ø_i совершил самоубийство (= убил СЕБЯ_i) мальчиком' (тексты 2009—2013).

³ На самом деле картина сложнее. Так, подобного эффекта не наблюдается, как показано в [Huams, Sigurjónsdóttir 1990], в исландском языке, однако исландский дистантный рефлексив и с других точек зрения ведет себя во многом необычным образом (см. [Reuland 2006] и приводимую там библиографию).

- (3) *totara=tani* *ŋāl-i* *silkə-j* *dərag-bi* *dərag-bi* *silkə-j*
 потом=a рука-P.REFL.SG мыть-PRS лицо-P.REFL.SG лицо-P.REFL.SG мыть-PRS

‘Потом Ø_i моет **свои**_i руки, моет **свое**_i лицо’ (тексты 2009—2013).

Нанайские рефлексивы обоих морфосинтаксических типов могут использоваться изолированно или в сопровождении интенсификатора *тән(ə)* (последний добавляется обычно в более эмпатических контекстах), далее легкие vs. тяжелые рефлексивы (в терминологии С. Кеммер [Kemmer 1993]⁴). Ср. тяжелый именной рефлексив в (4) и тяжелый посессивный в (5).

- (4) *mī* *тән-ži-də* *тәнə* *dəŋsi-ə-siam-bi*
 1SG REFL-INS=EMPH сам заботиться-NEG-PRS-1SG

‘{Подруги! Вы хоть умрете, что я поделаю, упадете, что я поделаю?} Я_i **САМА СЕБЕ**_i не хозяйка’ [Бельды, Булгакова 2012: 40, текст 8].

- (5) *тәнə* *pokto-la-i=tu* *ənə-žəm-bi*
 сам дорога-LOC-P.REFL.SG=LIMIT идти-FUT-1SG

‘Ø_i **СВОЕЙ**_i дорогой продолжу идти!’ (тексты 2009—2013)

Таблица 3

Система рефлексивных показателей в нанайском языке

Морфосинтаксический тип рефлексива	Легкие	Тяжелые
Местоимения	<i>māpi</i> (‘себя: REFL.ACC.SG’)	<i>тәнə māpi</i> (‘самого себя: сам REFL.ACC.SG’)
Посессивные аффиксы	<i>ŋāla-i</i> (‘свою руку: рука-P.REFL.SG’)	<i>тәнə ŋāla-i</i> (‘свою собственную руку: сам рука-P.REFL.SG’)

Таблица 4

Рефлексивные местоимения

Падеж	SG	PL
ACC	<i>māp-i</i>	<i>māp-əri</i>
DAT	<i>тән-du-i</i>	<i>тән-du-əri</i>
DIR	<i>тән-či-i</i>	<i>тән-či-əri</i>
ABL	<i>тән-žiəži-i</i>	<i>тән-žiəži-əri</i>
INS	<i>тән-ži-i</i>	<i>тән-ži-əri</i>
LOC	<i>тән-dulə-i ~ тән-dul-i</i>	<i>тән-dul-əri</i>

Таблица 5

Посессивные аффиксы

Лицо	SG	PL
1	<i>sogdata-i</i> ‘моя рыба’	<i>sogdata-pu</i> ‘наша рыба’
2	<i>sogdata-si</i> ‘твоя рыба’	<i>sogdata-su</i> ‘ваша рыба’
3	<i>sogdata-ni</i> ‘его/ее рыба’	<i>sogdata-či</i> ‘их рыба’
REFL	<i>sogdata-i</i> ‘своя (SG) рыба’	<i>sogdata-wari</i> ‘своя (PL) рыба’

⁴ «Легкими» vs. «тяжелыми» С. Кеммер называет рефлексивы в зависимости от их формальной структуры: в языках с двумя рефлексивными маркерами один из них обычно морфологически проще (легкий), другой сложнее (тяжелый), характерный случай — самостоятельный показатель и он же в сопровождении интенсификатора, как в нанайском, ср. [Kemmer 1993: 25 ff]. Там же описывается корреляция «тяжести» рефлексивного маркера с его функциями: так, легкие рефлексивы склонны выступать в более лексикализованных контекстах и с теми глаголами, для которых рефлексивная ситуация прагматически естественна, тяжелые — наоборот, в прагматически выделенных контекстах и с теми глаголами, для которых рефлексивная ситуация противоречит ожиданиям. В общих чертах нанайская система рефлексивов вполне вписывается в эту картину.

Отличия от русской системы рефлексивов на уровне инвентаря маркеров, таким образом, небольшие:

- а) более последовательное и единообразное противопоставление тяжелых/легких рефлексивов (один и тот же интенсификатор для именных и посессивных рефлексивов);
- б) аффиксальное, а не местоименное выражение посессивного рефлексива (внутри более общей системы аффиксальных посессивных показателей, отсутствующей в русском);
- в) последовательное противопоставление рефлексивов по числу;
- г) большее, чем в русском, морфологическое (и этимологическое) сходство интенсификатора и фрагмента парадигмы именных рефлексивов (*тэн-*).

3.2. Полипредикация в нанайском языке

Организация полипредикативных конструкций в нанайском языке, наоборот, принципиально отлична от наблюдаемой в русском. В частности, подчиненные клаузы, как правило, нефинитны; в них практически не используется союзная стратегия; имеет место последовательная система переключения референции (*switch-reference*).

Основные структурные типы подчинительных полипредикативных конструкций следующие.

I. Конструкции, в которых зависимая клауза вводится именем действия («причастием»), оформленным тем или иным падежным аффиксом или послелогом в соответствии с семантическим типом клаузы (в (6) временное значение оформляется дативом). Отдельным подтипом являются относительные клаузы, вводимые тем же именем действия без падежного аффикса (= в форме номинатива), (7).

- (6) *i muzej Kondon-do naj ni-xən-du-ni*
и музей Кондон-ДАТ человек открыть-PST-DAT-3SG
bū-xə-pu əj əmuə-kəm-bə muzej-či
давать-PST-1PL этот люлька-DIM-ACC музей-DIR

‘И когда музей в Кондоне открыли <DAT>, мы отдали эту люльку в музей’ (тексты 2009—2013).

- (7) *duj-jə-čiə xurən oja-la-nʹ=tani*
четыре-ORD-ORD гора верх-LOC-3SG=a
təj ame-nʹ uŋ-ki-nʹ mō
тот отец-3SG сказать-PST-3SG дерево

‘На вершине четвертой сопки дерево, о котором говорил отец’ (тексты 2009—2013).

II. Конструкции со специализированными нефинитными формами («деепричастиями»), в состав которых входит застывший показатель, восходящий к падежному аффиксу. В (8) это форма «условно-временного деепричастия» с суффиксом *-oče*, этимологически связанным с падежным направительным показателем (*-če*). От причастия такая форма отличается отсутствием показателя времени, ср. с (6) и (7).

- (8) *gə təj niəčən=təni ca-d dō-go-oče-a-ni=tani ləkə-lə-xəri-ə*
ну тот птица=a этот-DAT сестр-REP-COND-OBL-3SG=a стрела-VBLZ-IMP2-EMPH

‘Когда эта птица туда сядет, выстрелишь’ (тексты 2009—2013).

Другое похожее «деепричастие» — целевое, показатель которого (*-go*) формально совпадает с падежным показателем дестинатива. Оно вводит целевые клаузы и некоторые типы сентенциальных актантов.

Для этих двух основных типов подчинительных полипредикативных конструкций действует система переключения референции (*switch-reference*: различие в оформлении конструкции в зависимости от кореферентности/некореферентности субъектов главной

и зависимой клаузы) с использованием рефлексивных маркеров на глаголе зависимой клаузы. Помимо падежного (или псевдопадежного) аффикса, нефинитная форма в вершине зависимой клаузы оформляется также именным посессивным аффиксом. При несовпадении субъектов главной и зависимой клаузы аффикс выбирается в соответствии с лицом и числом субъекта зависимой клаузы: так, в (8) форма *dō-go-očē-a-ni* ‘когда сядет’ получает показатель 3SG от субъекта зависимой клаузы *ničən* ‘птица’ (а субъект главной клаузы от него отличен — это слушающий, 2SG). При совпадении субъектов главной и зависимой клаузы зависимая клауза оформляется рефлексивным посессивным аффиксом, см. (9).

- (9) *i naj=tani tāj aleo bū-gu-j-du-əri*
и человек=а тот посуда давать-REP-PRS-DAT-P.REFL.PL
pərag-du-ə-ni xaj-kam-ba=da nā-ri-či bi-či
дно-DAT-OBL-3SG что-DIM-ACC=EMPH класть-PRS-3PL быть-PST

‘А люди, возвращая эту посуду, на дно что-либо клали обычно’ (тексты 2009—2013).

В приводимом ниже описании правил выбора между субъектом главной и зависимой клауз на роль контролера рефлексива в зависимой клаузе односубъектные конструкции нас интересовать не будут.

Наконец, в качестве самого маргинального, в нанайском языке представлен третий тип подчинительных полипредикативных конструкций (основной для русского языка):

III. Конструкции с финитной формой в вершине зависимой клаузы и союзом. Единственный убедительный тип таких конструкций — условные (с постпозитивными союзами *oseni* и *bimčəni*)⁵.

- (10) *xaj-wa=da nā-rə-si-či oseni*
что-ACC=EMPH класть-NEG-PRS-3PL если
aleo songo-i naj un-ži bi-či
посуда плакать-PRS человек сказать-PRS быть-PST

‘А если ничего не клали — люди говорили: посуда плачет’ (тексты 2009—2013).

Четвертый тип нанайских подчинительных полипредикативных конструкций, наоборот, один из центральных, не релевантен для описания ниже, поскольку охватывает только конструкции с совпадением субъектов главной и зависимой клауз (односубъектные).

IV. Односубъектные конструкции с разными типами деепричастий (одновременным на *-mi*, одновременным на *-ra*, условным на *-pi*) в вершине зависимой клаузы.

- (11) *totara=tani ī-rə un-ži-ni=go*
тогда=а входить-CVB.NSIM сказать-PRS-3SG=PART
‘Потом зашла и говорит...’ (тексты 2009—2013)

В таблице 6 суммируется информация о структурных типах нанайских подчинительных полипредикативных конструкций, они соотносятся с семантико-синтаксическим типом зависимой клаузы и иллюстрируются кратким примером. Подробнее о полипредикации в нанайском языке см. [Герасимова 2006].

В разделе 4 подробно рассмотрен контроль рефлексива в тех типах зависимых клауз, которые представлены в таблице 6. Все они а) разносубъектные, б) очевидно, подчиненные, в) содержат выраженное номинативное подлежащее в зависимой клаузе и, наконец, что важно в данном случае, г) семантически соответствуют русским финитным зависимым клаузам, вводимым подчинительными союзами (т. е. основному типу русских подчинительных конструкций). О контроле рефлексива в некоторых других типах полипредикативных конструкций, а также в монопредикативных конструкциях, вводящих несколько ситуаций (каузативных), см. кратко в разделах 5—6.

⁵ В описаниях нанайского языка приводится еще несколько единиц, описываемых как союзы, однако их подчинительный/сочинительный статус требует отдельного доказательства.

Таблица 6

Подчинительные полипредикативные конструкции в нанайском языке

Семантико-синтаксический тип	Структура	Пример
Сентенциальные актанты	I. NMLZ-ACC-PERS	<i>n'oani žare-j-wa-ni</i> '{Я знаю,} что он поет (петь-PRS-ACC-3SG)'.
Временные и некоторые другие сентенциальные сирконстанты	I. NMLZ-CASE-PERS (INS, DAT/ESS, LOC, ACC, + послеложные конструкции)	<i>n'oani žare-j-do-a-ni</i> 'когда он поет (петь-PRS-DAT-OBL-3SG)' <i>n'oani žare-j-wa-ni</i> 'из-за того что он поет (петь-PRS-ACC-3SG)'
Относительные клаузы	I'. V-NMLZ-PERS	<i>žaren n'oani žare-j-ni</i> 'песня, которую он поет (петь-PRS-3SG)'
Целевые клаузы (и некоторые сентенциальные актанты), условно-временные клаузы	II. V-PURP(DEST)-PERS V-COND(DIR)-PERS	<i>n'oani žare-go-a-ni</i> 'чтобы он пел (петь-PURP-OBL-3SG)'; <i>n'oani žare-oče-a-ni</i> 'если/когда он будет петь (петь-COND-OBL-3SG)'
Условные клаузы	III. V _{FIN} CONJ (<i>oseni</i>)	<i>n'oani žare-j-ni oseni</i> 'если он поет/будет петь (петь-PRS-3SG)'

4. Рефлексивы в зависимой клаузе

4.1. «Старая» система

Ниже (в более современных терминах) приводятся правила употребления рефлексивов в зависимой клаузе, кратко сформулированные в грамматике В. А. Аврорина [1959: 257—258]. Правила касаются так называемого «литературного» нанайского языка⁶, в основу которого положен найхинский говор. Материал текстов, собранных самим В. А. Аврориным [1986] в 1940-е гг., а также (во многом пересекающийся с ним) иллюстративный материал словаря С. Н. Оненко [1980] (ученика В. А. Аврорина и носителя найхинского говора, 1916 г. р.), насколько позволяет судить поверхностный анализ, соответствуют этим правилам.

Правила В. А. Аврорина предсказывают различное поведение для тяжелых и легких рефлексивов в зависимой клаузе.

1. Антецедентом тяжелого рефлексива является субъект зависимой клаузы (12).

- (12) *əj təkpiələn-du Pūgə-wə wā-o-r-ži žoža-go-xa-či,*
этот встреча-DAT Пугэ-ACC убить-IMPS-PRS-INS судить-REP-PST-3PL

Surgi Pūgə-wə mənə ŋāla-ži-j-tul wā-go-a-ni
Сурги Пугэ-ACC сам рука-INS-P.REFL-LIMIT убить-PURP-OBL-3SG

‘На этом обсуждении решили убить Пугэ, чтобы **Сурги, своими** же руками убил Пугэ’
[Аврорин 1986: 247, текст 44].

⁶ В связи с этим можно было бы предположить, что это искусственно упрощенные правила. Однако в целом «академическое» грамматическое описание В. А. Аврорина скорее ориентировано на узус, нежели на норму, и, в частности, последовательно фиксирует заметные отступления от «литературного нанайского» в амурских говорах.

2. Антецедентом легкого рефлексива является субъект главной клаузы — иными словами, наблюдается эффект контроля рефлексива через границу клаузы (long-distance):

- (13) *māpi* *səkpən-ʒi-du-ə-ni* *goja-do-a-ni* *ʒapa-rā*
 REFL.ACC.SG кусать-PRS-DAT-OBL-3SG клык-DAT-OBL-3SG брат- CVB.NSIM

sore-mi *dəru-xə-ni*
 драться-CVB.SIM.SG начать-PST-3SG

‘Когда кабан пытался укусить **его**, <букв. **СЕБЯ**>, **он**, взял за клыки и стал драться’ [Аврорин 1986: 231, текст 38].

Такое распределение между тяжелыми и легкими рефлексивами не кажется неожиданным, ср. типологическое предсказание о том, что дистантная интерпретация характерна в языках мира только для морфологически простых рефлексивов, а морфологически сложным не свойственна, в [Faltz 1977: 153 ff; Pica 1987]. См. также подробный обзор случаев, зафиксированных в разных языках, и объяснение контрпримеров в [Cole et al. (eds.) 2001: 29 ff] и функциональное объяснение в [Haspelmath 2008: 58 ff].

Ни о каких возможных различиях между посессивным/именным рефлексивом, а также между разными типами зависимых клауз и разными типами дискурсивных контекстов в описании не упоминается. Приводимые в грамматике примеры на разные случаи позволяют предполагать, что их нет.

Указанные правила не жесткие. В. А. Аврорин упоминает, что в речи иногда встречаются следующие отступления от них:

- а) случаи, когда легкий рефлексив, как и тяжелый, контролируется субъектом зависимой, а не главной клаузы;
- б) случаи, когда с референцией к субъекту главной клаузы употребляются личные местоимения и личные посессивные суффиксы, а не легкие рефлексивы.

Подобные употребления автор оценивает как инновацию и интерпретирует как возможный результат влияния русского языка.

При том что контактное влияние русского языка действительно кажется вполне вероятным, в особенности в свете того, что наблюдается на материале современных данных, общетипологические и теоретические ожидания заставляют предполагать, что возможность локального употребления, наряду с дистантным, все-таки присуща легкому рефлексиву в нанайском языке изначально (см., например, обзор свойств дистантных рефлексивов в языках Азии, последовательно допускающих обе интерпретации, в [Cole et al. 2006]), и строгость в распределении тяжелого vs. легкого рефлексивов между локальными и дистантными контекстами В. А. Аврориным несколько преувеличена.

Обобщая сказанное, можно схематично представить «старую» систему контроля рефлексива в зависимых клаузах следующим образом:

легкий рефлексив → SBJ_{MAIN}, SBJ_{DEP}
 тяжелый рефлексив → SBJ_{DEP}

4.2. «Новая» система

Система, описанная В. А. Аврориным, — с отчетливым распределением между тяжелыми и легкими рефлексивами и неограниченно действующим (для легких рефлексивов) эффектом контроля рефлексива через границу клаузы — кажется достаточно интересным с типологической точки зрения случаем.

Возникает желание верифицировать и уточнить ее на материале новых полевых данных нанайского языка. Однако правила употребления рефлексивов, которые можно сформулировать на основании этих данных, заметно отличаются от тех, что формулирует Аврорин.

Так, часть примеров, согласующихся с правилами В. А. Аврорина, — как сконструированных, так и естественных, взятых из текстов, — современные носители оценивают как неграмматичные или не могут проинтерпретировать вовсе.

Наблюдаемая система кажется нестабильной и неоднородной, обнаруживая вариативность в том числе на уровне идиолекта. Конкретные детали уточняются ниже в разделе 4.4. В самом общем, упрощенном, виде она выглядит следующим образом.

1. Антецедентом как тяжелых, так и легких рефлексивов обычно является субъект зависимой клаузы. Кореперентность субъекту главной клаузы выражается в зависимой клаузе с помощью личных местоимений и посессивных суффиксов. Иными словами, действуют такие же правила, как и в русском языке, а не такие, как в системе, описанной В. А. Аврориным. Ср. примеры (14), (15), а также их русские переводы:

- (14) *solì* *čoča-lo-xa-ni*, *mapa* *<mən>* *sogdata-i* *žəp-či-du-ni*
 лиса убежать-INCH-PST-3SG медведь сам рыба-P.REFL есть-PRS-DAT-3SG
 ‘Лиса_i сбежала, пока медведь_i ел свою_{i/*i} рыбу’ (elicit.).

- (15) *solì* *čoča-lo-xa-ni*, *mapa* *<n'oani>* *sogdata-wa-ni* *žəp-či-du-ni*
 лиса убежать-INCH-PST-3SG медведь 3SG рыба-ACC-3SG есть-PRS-DAT-3SG
 ‘Лиса_i сбежала, пока медведь_i ел ее/его_{i/*i} рыбу’ (elicit.).

2. Контроль рефлексива субъектом главной клаузы последовательно допускается носителями в одном единственном фрагменте системы. Это случай, когда посессивным рефлексивным суффиксом оформлен субъект зависимой клаузы (указание на принадлежность субъекта зависимой клаузы субъекту главной). В этом контексте возможно использование как легкого, так и тяжелого рефлексива, ср.:

- (16) *mapa* *təj* *gujsə-du* *<^{OK}mən>* *tətu-ji*
 старик тот сундук-DAT <сам> одежда-P.REFL.SG
bi-i-wə-ni *osese-i-ni*
 быть-PRS-ACC-3SG не.хотеть-PRS-3SG
 ‘Старик_i не хочет, чтобы свои_i вещи хранились в сундуке’ (elicit.).

Здесь правила для нанайского и русского языков расходятся, ср.:

- (17) Она_i сказала затем, что её_i <*свои_i> родители очень гордые люди [Ю. Трифонов. Обмен (1969), НКРЯ].

Аналогичное использование именного рефлексива (*məpi*) невозможно. Совпадение субъектов главной и зависимой клаузы, как было упомянуто выше, маркируется посессивным же маркером рефлексива на глагольной вершине зависимой клаузы, ср. (9) выше. Именной группой субъект выражается в конструкции единожды.

Новую систему, таким образом, можно схематично представить следующим образом:

рефлексив в позиции $SBJ_{DEP} \rightarrow ***$
 рефлексив в позиции посессора при $SBJ_{DEP} \rightarrow SBJ_{MAIN}$
 рефлексив в остальных позициях $\rightarrow SBJ_{DEP}$

4.3. Возможные объяснения

Если верить, что «старая» система, описанная В. А. Аврориным по данным 1940-х гг., и «новая», наблюдаемая на полевом материале 2015—2016 гг., — это действительно два синхронных среза одной и той же системы, претерпевшей настолько серьезное и при этом быстрое изменение, то встает вопрос о его причинах и конкретных механизмах.

4.3.1. Контактное влияние русского языка

Вполне естественным кажется высказанное еще В. А. Аврориным предположение о **контактном влиянии** русского языка. Система контроля рефлексива в зависимых клаузах в русском языке

- а) не допускает контроля рефлексива через границу клаузы (по крайней мере, если говорить о финитных зависимых, вводимых союзом, которым семантически соответствуют рассматриваемые нанайские клаузы, о других типах полипредикативных конструкций см. раздел 5);
- б) не проводит последовательного противопоставления между тяжелыми и легкими рефлексивами.

По обоим параметрам «старая» нанайская система резко отличается от русской, а «новая», наоборот, с нею сближается. Единственным, но важным отличием «новой» системы от русской и сходством со «старой» системой оказывается посессивный рефлексив при субъекте зависимой клаузы; см. рис.

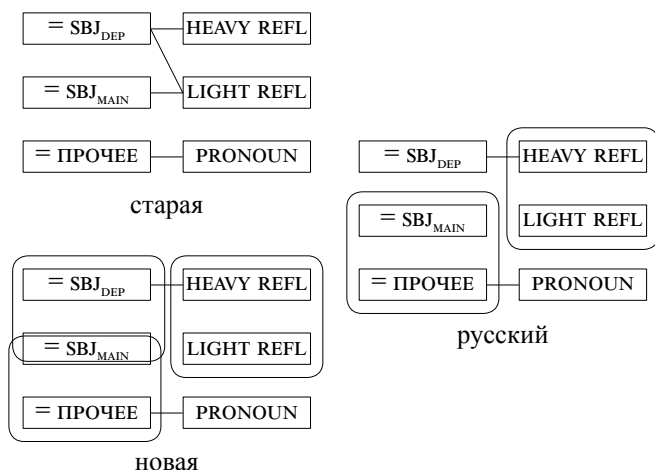

Рис. Контроль рефлексива в зависимой клаузе: две системы в нанайском и русская система

Таким образом, наблюдаемую перестройку системы контроля рефлексива в нанайском языке можно в первом приближении рассматривать как случай «заимствования (в данном случае синтаксической) модели» из языка-донора (pattern-borrowing по [Sakel 2007]) при сохранении поверхностных средств выражения, изначально присущих языку-реципиенту (в данном случае инвентаря рефлексивных средств). Возможно, точнее говорить об этих изменениях не просто как о структурном заимствовании, а как о так называемом **отрицательном заимствовании** (negative borrowing, см. [Sasse 2001: 1670]) в смысле отказа в языке-реципиенте от явлений, не присущих языку-донору: а) утрата дистантного контроля рефлексива, имевшегося в старой системе наряду с локальным и отсутствующего в русском; б) утрата значимого с точки зрения правил контроля противопоставления тяжелых и легких рефлексивов, которого нет в русском. На самом деле, как показывает описание ниже, картина оказывается еще несколько более сложной и в терминах исключительно заимствования (т. е. интерференции с русским языком) не объясняется.

4.3.2. Ситуация языкового сдвига

В данном случае перед нами не просто ситуация языкового контакта, а ситуация **постепенной утраты** языка-реципиента ("gradual death" в классификации Л. Кэмпбела

и М. Мунтцель, см. [Campbell, Muntzel 1989]). В подобной социолингвистической ситуации обычно ожидаются следующие особенности грамматической эволюции (см., например, [Sasse 1992; 2001]):

- а) изменения в грамматике происходят быстрее, чем обычно, и оказываются более интенсивными (см. подробно о корреляции скорости языковых изменений с социолингвистическими факторами, включая ситуации контактов, также [Trudgill 2011: 1—15]);
- б) изменения направлены на упрощение грамматической системы.

Ниже обсуждается, насколько эти ожидания оправдываются в рассматриваемом случае. Что касается повышенной скорости и интенсивности изменений, то такое ожидание очень хорошо вписывается в наблюдаемую в нанайском языке картину и помогает объяснить, почему настолько различаются данные, полученные с разницей в полвека. О движении в сторону упрощения системы применительно к реорганизации правил контроля рефлексива в нанайском языке можно говорить с меньшей уверенностью. Наблюдаемую утрату последовательного различия в поведении легких и тяжелых рефлексивов, безусловно, можно трактовать как упрощение. Общую тенденцию к переходу от системы с возможностью дистантного контроля рефлексива к системе с последовательным локальным контролем, видимо, тоже. Однако переход от правила повсеместного контроля рефлексива субъектом главной клаузы к правилу о контроле рефлексива субъектом главной клаузы только при определенных условиях — на первый взгляд, скорее, нет.

Среди конкретных **типов упрощения грамматической системы**⁷ в ситуации утраты языка выделяют следующие, см. [Trudgill 2011: 21; Sasse 2001]:

- а) регуляризация (выравнивание иррегулярных парадигм по продуктивным моделям и т. п.);
- б) увеличение лексической и морфосинтаксической прозрачности (transparency);
- в) уменьшение избыточности;
- г) уменьшение числа грамматических категорий и, шире, разного рода значимых противопоставлений.

Устранение разницы в поведении тяжелых и легких рефлексивов можно отнести к типу (г). С другой стороны, оно же приводит к противоречию с (б), а именно увеличивает избыточность: если раньше легкий и тяжелый рефлексивы были функционально разведены, то теперь они более активно конкурируют в одной и той же позиции (впрочем, возможно, как и в простом предложении, выбор между ними регулируется дополнительными семантическими и коммуникативными факторами). Что касается перехода от системы с дистантным и локальным контролем к системе с последовательным локальным контролем, то упрощение тут можно видеть в первую очередь в самом сокращении количества логических возможностей (г). Более интересный вопрос, считать ли это движением в сторону большей «прозрачности» системы (б): представление о системах с дистантными рефлексивами как о более экзотических, более сложных в усвоении, требующих больших усилий на порождение/восприятие существует, хотя и остается дискуссионным и как минимум несколько упрощенным, см. раздел 2.

Сам гипотетически реконструируемый процесс перехода от «старой» системы к «новой» можно рассматривать как постепенную передачу роли контролера рефлексива от субъекта главной клаузы к субъекту зависимой во все большем числе контекстов. Представление о том, как именно это может происходить, отчасти дает материал раздела 4.4, показывающий,

⁷ Пользуясь терминологией, принятой в креолистике, в работах по языковому сдвигу говорят иногда о двух типах «упрощения»: simplification (уменьшение формальной сложности и избыточности) vs. reduction (утрата функционально значимых частей языковой системы), см. [Trudgill 1977], а также цитируемые выше работы Х.-Й. Зассе. В данном случае речь если идет об упрощении, то только в смысле simplification.

что реальные данные обнаруживают на самом деле гораздо больше **вариативности**, чем это показано в разделе 4.2 при описании «идеализированного» варианта «новой» системы (что вполне ожидаемо для наблюдаемой социолингвистической ситуации, см. [Campbell, Muntzel 1989]).

Современные носители оказываются в ситуации, когда они, с одной стороны, получают недостаточно инпута от носителей «старой» системы, чтобы усвоить ее в прежнем виде, с другой стороны — получают инпут второго языка (русского), дающий представление о системе с другими правилами. Можно предположить, что правила интерпретации нанайских рефлексивов в зависимой клаузе (правила для адресата) претерпевают примерно следующие изменения.

1. Правила носителей «старой» системы:

тяжелый рефлексив → соотносить с субъектом зависимой клаузы;

легкий рефлексив → соотносить с субъектом главной или зависимой клаузы.

2. Правила современных носителей (носителей «новой» системы, анализирующих и не-полно усваивающих старую):

~~тяжелый~~ рефлексив → соотносить с ближайшим субъектом;

~~легкий~~ рефлексив → соотносить с ближайшим ~~или более далеким~~ субъектом

⇓

рефлексив → соотносить с ближайшим субъектом.

В качестве основного механизма, отвечающего за процесс изменения системы в ситуации языкового сдвига, называется процесс «сверхообобщения» (overgeneralization), см. [Campbell, Muntzel 1989]. Обычно говорят об утрате одних форм и обобщении других на новые контексты. В данном случае удобнее, кажется, сохраняя ту же терминологию, говорить об утрате и обобщении правил. Различают сверхообобщение маркированных и немаркированных явлений [Ibid.]. Зачеркнутое в приведенной схеме показывает, как а) оппозиция «субъект зависимой/главной клаузы» реинтерпретируется в (похожую, но не совсем аналогичную) оппозицию «ближайший/более далекий субъект»; б) правило, общее для тяжелых и легких рефлексивов (немаркированное), становится единственным для обоих типов рефлексивов, а особое правило для легких рефлексивов (маркированное) утрачивается.

Пользуясь этой, новой, версией правил интерпретации рефлексивов в зависимой клаузе, современные носители, соответственно, применяют эти правила уже для порождения — и порождается с помощью них то, что фиксируется нами как «новая» система.

Предположение о том, что эти правила устроены именно так, как предложено в схеме выше, позволяет объяснить, почему самым стабильным фрагментом системы (не утрачивающим возможности контроля через границу клаузы) оказывается позиция посессора при субъекте зависимой клаузы, хотя это, как отмечалось выше, в общую тенденцию к упрощению и регуляризации, скорее, не вписывается. Эта позиция, по понятным причинам, структурно выделенная, и с синхронной точки зрения особое поведение рефлексивов именно в этой позиции кажется вполне естественным. Однако с точки зрения логики системного изменения требуется дополнительное объяснение. Оно может быть примерно следующим. Для всех остальных позиций рефлексива на роль его контролера есть два потенциальных конкурента — субъект зависимой клаузы и субъект главной, здесь же конкурентов нет. Приходя от исходной системы правил к правилу вида «рефлексив → соотносить с ближайшим субъектом», носители блокируют при восприятии и не порождают сами предложений вида ‘Медведь_i знает, что лиса спрятала свой_i мешок’, но легко и однозначно интерпретируют и, соответственно, могут сами порождать предложения вида ‘Медведь_i знает, где лежит свой_i мешок’. Ближайшим субъектом и единственно доступным антецедентом в этом контексте оказывается субъект главной клаузы.

Имея в виду, что современный двуязычный носитель нанайского языка ориентируется сразу на два языка, важно отметить, что предложенная измененная система правил интерпретации

нанайских рефлексивов работает и для интерпретации аналогичного русского инпута (хотя от системы, предположительно имеющейся у русскоязычного носителя, отличается). Она, в той же формулировке, позволяет верно проанализировать возможные в русском языке употребления рефлексивов в зависимой клаузе (оставляя при этом возможность также для анализа несуществующих вроде *Медведь знает, где лежит свой мешок* и — если она же используется и при порождении русских предложений — предсказывая возможность соответствующих контактно-обусловленных отклонений от литературной нормы в русской речи).

Существует три общих предположения о **точках стабильности/нестабильности** языковой системы в ситуации языкового сдвига, см. гипотезы о механизмах фонетических изменений Р. Андерсена [Andersen 1982] и их обобщение и обсуждение в [Campbell, Muntzel 1989]:

- а) уменьшается количество грамматических (в цитируемых работах фонологических) противопоставлений;
- б) более устойчивыми оказываются противопоставления, общие для рецессивного и доминирующего языков, утрачиваются те, которые в доминирующем языке отсутствуют;
- в) более устойчивыми оказываются противопоставления с большей функциональной нагрузкой.

Имеющиеся нанайские данные вполне укладываются в предположения (а) и (б). Каким образом они соотносятся с предположением (б), уже отчасти было рассмотрено в разделе 4.3.1 в терминах «отрицательного заимствования». Выше постулируется, что имеющаяся у современного носителя нанайского языка измененная система правил контроля рефлексива в зависимой клаузе такова, что она позволяет единообразно проанализировать (хотя и не всегда успешно и не всегда предсказывая симметричный инпуту аугпут) и нанайские данные, порождаемые носителями старой системы правил, и русские. Наличие именно такой системы правил объясняет также и почему устойчивой к изменению оказывается позиция посессора при субъекте главной клаузы.

4.3.3. Внутрисистемные предпосылки перестройки языковой системы

При этом можно обнаружить и некоторые **внутрисистемные предпосылки** для наблюдаемой в нанайском языке перестройки правил контроля рефлексива. В первую очередь это отсутствие в нанайском языке четкой границы между финитными и нефинитными формами. Дело в том, что основные финитные формы в нанайском языке — настоящее и прошедшее время индикатива — восходят к номинализированным формам («причастиям» в традиционной терминологии), функционирующим в нефинитных употреблениях (в функции причастий и имен действия, (18a)) в том числе и на синхронном уровне. Эти же самые формы употребляются, будучи оформлены падежными аффиксами, в вершине зависимой клаузы (19), см. раздел 3.2. В финитных формах настоящего и прошедшего времени индикатива сохраняются в том числе лично-числовые показатели, характерные для имени: с номинализациями (и другими именами) они функционируют как посессивные маркеры, с финитными формами — как показатели лица и числа субъекта.

- (18) *тара* *žo-bo-j-ni*
старик работать-PRS-3SG
а) 'работа старика (-ni = POSS.3SG)';
б) 'старик работает (-ni = SVJ.3SG)'

- (19) *тара* *žo-bo-j-do-a-ni*
старик работать-PRS-DAT-OBL-3SG
'когда старик работает'

Рудименты прежней парадигмы индикатива (так называемое «утвердительное наклонение» в грамматике [Аврорин 1961]) в нанайском языке маргинализуются, приобретают

дополнительную прагматическую окраску и используются достаточно редко, см. детальные подсчеты по современным текстам в [Сметина 2015]. На фоне постепенной утраты языка и естественной редукции глагольной системы в целом в речи современных носителей (формы настоящего и прошедшего времени индикатива, а также формы императива — это те формы, которые уверенно помнят даже наименее компетентные носители) процесс расшатывания осознаваемой границы между финитными и нефинитными формами, видимо, еще более активизируется.

На фоне этого процесса можно предположить возможную реинтерпретацию зависимых клауз как «более полноценных», тождественных по финитности независимым. Параллельно ожидается приобретение семантическим субъектом зависимой клаузы свойств «более полноценного» подлежащего. Так, для (19), например, можно предположить переосмысление структуры от (а) к (б) ниже:

- а) 'в работе старика' (где 'старик' имеет статус посессора при отглагольном имени 'работа', получающем от него посессивный суффикс *-ni*, а не полноценного субъекта);
- б) 'когда старик работает' (где 'старик' — полноценное подлежащее, а 'работать' — (почти) финитная форма, согласующаяся с ним по лицу и числу).

Для структуры (а) контроль рефлексива со стороны главной клаузы оказывается вполне естественным, для структуры (б) — в гораздо меньшей степени.

В качестве альтернативы и/или в дополнение ко всему вышесказанному можно предположить, что картина, описанная В. А. Аврориным, и картина, наблюдаемая нами, не являющаяся отражениями двух стадий одной и той же системы. Различия между ними теоретически могли бы быть не диахронического (или не только диахронического), а диалектного характера. Заметим, что, например, в близкородственном нанайскому удэгейском языке фиксируется система, гораздо более похожая на «новую» нанайскую систему, чем на «старую», см. о ней в разделе 6. Описание В. А. Аврорина опирается на найхинский говор нанайского языка, в то время как нашими основными информантами были носители другого — джуенского говора. Данные от двух основных информантов найхинского говора отличаются от джуенских данных незначительно, хотя и демонстрируют, действительно, чуть более «консервативную» систему. При этом оба носителя найхинского говора существенно старше носителей джуенского, так что непонятно, чем именно вызван этот эффект. В целом джуенский и найхинский говоры полностью взаимопонятны и различаются незначительно, так что оснований ожидать заметных расхождений в этом фрагменте грамматики, скорее, нет. С удэгейским (и — по крайней мере, на данный момент — ни с какими другими тунгусо-маньчжурскими идиомами) не контактирует ни один из них.

4.4. Более детальная картина: свидетельства промежуточных этапов

Картина, наблюдаемая на материале современных данных нанайского языка, на самом деле несколько сложнее, чем описано выше в разделе 4.2. Система кажется достаточно нестабильной: наблюдаются расхождения в данных, полученных от разных информантов, и в сходных данных, полученных от одного и того же информанта. Это вполне отвечает существующим представлениям о расшатывающейся и, на первый взгляд, хаотичной грамматике выходящего из употребления языка. Некоторые отклонения от простой схемы из раздела 4.2 при этом представляются все же неслучайными и поддаются обобщению. На их материале можно попытаться нащупать промежуточные этапы между «старой» и «новой» системами в чистом виде и более детально реконструировать гипотетический диахронический переход первой системы ко второй. В таблице 7 собранные данные представлены в максимально детальном виде: отдельно по разным типам зависимых клауз (см. раздел 3.2) и по разным типам рефлексивных маркеров (см. раздел 3.1).

Таблица 7

**Рефлексивы в зависимой клаузе: детальная картина
(данные оценки предложений-стимулов носителями)**

Тип зависимой клаузы	Местоимение			Посессивный аффикс (не при субъекте зависимой клаузы)				Посессивный аффикс при субъекте зависимой клаузы		
	Рефлексив		Личное мест.	Посессивный рефлексив			Личный пос. аффикс	Посессивный рефлексив		
	Легкий	Тяжелый		Легкий	Тяжелый	Личный пос. аффикс		Легкий	Тяжелый	Личный пос. аффикс
сент.акт_асс (видеть, что)	dep, 'main	dep	main	*	dep	main		main	main-ok	'main
сент.акт_асс (знать, что)	dep, 'main, *	dep	main	dep	dep	main		main	main-ok	'main
сент.акт_асс (направить, что)	dep	dep	main							
сент.акт_асс (ждать, что)	dep		main	main-ok	main-ok	main		main		main
сент.акт_асс (не хотеть, чтобы)	dep		main			main				
временное_dat	dep	dep	main	dep	dep	main		main, 'dep, ?	main, *, dep	main
временное_instr			main			main		main		
относит.	dep, *	dep, *	main	dep, *, 'main	dep, 'main	main		main		main
условное_cvb				dep	dep	main		'main		main
целовое_cvb	dep, 'main	dep, 'main(+acc)	main					main	main-ok	'main
условное_fin	dep	dep	main					main		main

Условные обозначения: dep — контролер = субъект зависимой клаузы; main — контролер = субъект главной клаузы; * — форма запрещается; ? — форма оценивается как сомнительная; ok — форма оценивается как допустимая в ответ на запрос о ее приемлемости, без помет — форма по умолчанию для данного контекста; несколько значений в одной клетке — при расхождении в оценках.

4.4.1. Особая позиция: посессивный аффикс при субъекте зависимой клаузы

Как сказано выше, особой позицией в системе контроля рефлексива субъекта зависимой клаузы оказывается позиция посессора при нем. Если посессор при субъекте зависимой клаузы кореферентен субъекту главной, он может оформляться рефлексивом в том числе и в речи современных носителей. Однако тут обнаруживается вариативность, касающаяся обязательности/факультативности такого оформления. Информанты либо а) допускают оформление субъекта зависимой клаузы как рефлексивным, так и наряду с ним личным посессивным аффиксом; либо б) признают посессивный рефлексивный аффикс единственно возможным или предпочтительным в таких контекстах (как в старой системе), а личный посессивный аффикс запрещают или оценивают как менее приемлемый — по крайней мере, в части контекстов (о которых см. ниже):

- (20) *mapa* *sā-ri* *sogdata-i* ^{OK??}<(n'oani) *sogdata-ni*> *nīā-xam-ba-ni*
медведь знать-PRS рыба-P.REFL 3SG рыба-3SG портиться-PST-ACC-3SG
'Медведь_i знает, что своя_i <^{OK??}его_i> рыба протухла' (elicit.).

Интересно, что те носители, которые свободно допускают посессивный рефлексив в этой позиции, допускают как легкий его вариант, так и тяжелый. К сожалению, мы не располагаем данными о том, была ли возможность использования тяжелого рефлексива запрещена для этого контекста в «старой системе». Формулировка правил, приводимая в описании В. А. Аврорина, такой возможности не предсказывает, и подобными примерами мы не располагаем, однако окончательного ответа у нас нет.

4.4.2. Разница между тяжелыми и легкими рефлексивами

Выше было сказано, что в старой системе жестко противопоставлены тяжелые (с интенсификатором *tən-*) и легкие рефлексивы: первые контролируются субъектом зависимой клаузы, а вторые — главной (реже зависимой). В новой системе, напротив, разница в поведении тяжелых и легких рефлексивов утрачивается: и те и другие контролируются субъектом зависимой клаузы, то есть легкие рефлексивы меняют свое поведение, а тяжелые сохраняют прежнее.

В своем роде промежуточной можно считать стратегию, при которой носители вовсе избегают использования легких рефлексивов, то есть уже не используют их в прежних контекстах (кореферентность субъекту главной клаузы) и еще не используют в новых (кореферентность субъекту зависимой клаузы), см. таблицу 8. Такая стратегия отмечается не у всех информантов (более последовательно — в данных от Дж. Г. Д., отчасти — в данных от Р. А. Д.) и только в части контекстов. О том, какие именно это контексты, см. в разделе 4.4.3.

Таблица 8

Тяжелые vs. легкие рефлексивы: три стратегии использования в зависимых клаузах

Система	Легкие	Тяжелые
Старая	= SBJ _{MAIN}	= SBJ _{DEP}
Промежуточная	*	= SBJ _{DEP}
Новая	= SBJ _{DEP}	= SBJ _{DEP}

4.4.3. Возможная разница между типами зависимых клауз

Априори можно было бы ожидать разницы в способности к контролю со стороны субъекта главной клаузы для зависимых клауз, различающихся а) поверхностным оформлением (с номинализрованными формами/деепричастиями/финитными формами в вершине, см. раздел 3.2) и/или б) семантико-синтаксическим структурным типом (сентенциальные актанты, сентенциальные сирконстанты, относительные клаузы). Чем меньше зависимая

клауза проявляет свойств полноценной финитной клаузы и вообще свойств отдельной клаузы (см. раздел 4.3), тем более ожидаем такой тип контроля.

Однако в реальности заметной разницы не наблюдается ни в старой системе (контроль со стороны субъекта главной клаузы для всех типов зависимых), ни в новой (контроль со стороны субъекта зависимой клаузы для всех типов). Тем не менее о незначительных различиях на уровне колебаний в оценках информантов говорить можно.

Большую роль играет, как кажется, такой параметр, как наличие субъекта в номинативе в зависимой клаузе (см. выше о субъектной ориентации систем с дистантными рефлексивами). Этот же параметр в контексте возможного контактного влияния отчасти коррелирует с соответствием русским инфинитивным конструкциям, а не финитным союзным зависимым клаузам.

Ниже последовательно рассматриваются данные по выделенным типам клауз.

I. Условные клаузы. С поверхностной структурой зависимой клаузы правила контроля не коррелируют вовсе, что демонстрирует материал условных конструкций. Условные конструкции, как было отмечено выше, — единственный тип нанайских полипредикативных конструкций, который предполагает союзную стратегию оформления зависимой клаузы и финитную глагольную форму в ее вершине (т. е. аналогичную русской стратегии). Поскольку зависимая клауза в таких конструкциях проявляет наименьшую степень редукции по сравнению с независимой, а также поскольку такие клаузы более всего похожи на эквивалентные им русские, что облегчает возможное контактное влияние, можно было бы предположить, что в них контроль через границу клаузы будет затруднен по сравнению с другими типами. Однако этого не наблюдается ни в старой системе, ни в новой.

В старой системе условные клаузы свободно допускают контроль через границу клаузы для рефлексивов в разных синтаксических позициях, как и в других зависимых клаузах. Об этом свидетельствует и описание В. А. Аврорина (который никак специально не оговаривает условные конструкции и приводит примеры на контроль через границу клаузы в том числе и для них), и современные ему тексты.

В новой системе, где контроль через границу клаузы последовательно запрещен, а разрешен только для посессивного рефлексива при субъекте зависимой клаузы, можно было бы ожидать, что в условных конструкциях недоступной или менее доступной окажется и эта позиция. Однако это не так, ср.:

- (21) ^{ок}*ami-ni* / ^{ок}*amim-bi* *ajniə* *əčiə* *žižu-ə* *osi*,
 отец-3SG / отец-Р.REFL сегодня NEG прийти.обратно-NEG если
piktə *n'oambani* *ičə-či-nə-gu-žə*
 ребенок 3SG.ACC видеть-IPFV-MPURP-REP-FUT

‘Если **его**/свой, отец не вернется, **ребенок**, пойдет искать его’ (elicit.).

II. Сентенциальные актанты и целевые клаузы. Что касается семантико-синтаксических типов клауз, то здесь на общем фоне выделяются сентенциальные актанты (последовательно проверялись сентенциальные актанты с причастием, оформленным аккузативом в вершине, о других типах см. ниже) и целевые клаузы. Они обнаруживают несколько большую предрасположенность к контролю рефлексива субъектом главной клаузы, то есть с точки зрения эволюции системы контроля рефлексива в полипредикации оказываются наиболее стабильными типами. Это проявляется в следующем.

1. Некоторые контексты оцениваются частью информантов как допускающие контроль рефлексива в зависимой клаузе субъектом главной (хотя и наряду с контролем субъектом зависимой клаузы/наряду с использованием личного местоимения (личного посессивного аффикса) для выражения кореферентности субъекту главной клаузы в качестве основных вариантов). Это как раз контексты целевых клауз и сентенциальных актантов.
2. В этих же типах клауз, но не в прочих, часть информантов отвергает возможность выражения посессора при субъекте зависимой клаузы, кореферентного субъекту главной, личным, а не рефлексивным суффиксом, раздел 4.4.1.

3. Стремление избегать использования легких рефлексивов в зависимой клаузе, описанное в разделе 4.4.2, также касается сентенциальных актантов и целевых клауз.

Большую доступность контроля рефлексива через границу клаузы у сентенциальных актантов можно связать с тем фактом, что синтаксически этот тип зависимых клауз в большей степени интегрирован в структуру главной клаузы, чем адвербиальные клаузы.

Отчасти подтверждает эту интерпретацию и то, что с точки зрения поведения рефлексивов к сентенциальным актантам примыкают целевые клаузы. Неоднократно отмечалось, что именно этот тип адвербиальных клауз по степени интеграции в главную клаузу наиболее близок к сентенциальным актантам (см. [Verstraete 2008] об общих свойствах сентенциальных актантов и целевых клауз и возможных отражениях этого сходства в разноструктурных языках). В случае сентенциальных актантов при глаголах восприятия, мысли и некоторых других несколько затемнять картину может тот факт, что они могут оформляться двумя способами: 1) конструкцией с нефинитной глагольной формой, оформленной показателем аккузатива, в вершине зависимой клаузы (см. раздел 3.2) и 2) бессоюзной конструкцией с двумя финитными клаузами типа русск. *Он увидел: ...* (для которых вопрос о синтаксических отношениях между ними неоднозначен и требует отдельного рассмотрения). Информантам намеренно предлагались только конструкции первого типа, однако можно предположить определенную долю «шума» в данных, связанную с контаминацией этих конструкций с конструкциями второго типа. Для сентенциальных актантов при глаголах речи вторая стратегия — основная, поэтому они были вовсе исключены из рассмотрения.

5. Сентенциальные актанты, соответствующие русским инфинитивным оборотам

Всем проверенным выше типам полипредикативных конструкций в русском языке соответствовали конструкции с финитной зависимой клаузой, вводимой подчинительным союзом и строго локальным контролем рефлексива в ней. Между тем для разносубъектных конструкций с сентенциальным актантом, вводимым инфинитивом, не имеющим собственного прототипического выраженного подлежащего в именительном падеже (*помогать, мешать, разрешать, учить делать что-л.*), правила контроля рефлексива в русском языке более сложные (см. их общий обзор, например, в [Timberlake 2004: 248—252]). Так, например, при глаголе *помогать* имеет место либо (чаще) локальный контроль со стороны невыраженного субъекта инфинитивного оборота, ‘того, кому помогают’, как в (22а), но возможен и дистантный, со стороны субъекта матричного предиката (‘того, кто помогает’), как в (22б). В (23а) и (23б) см. аналогичную пару примеров для инфинитивной конструкции с глаголом *разрешить*.

- (22) а. *Локкарт_i поселил его в гостинице, помог ему_j купить себе_j костюмы и побывать в лондонских театрах* [Н. Н. Берберова. Железная женщина (1978—1980), НКРЯ].
б. *Он_i был так измучен, что даже не мог помочь ей_j раздеть себя_j*, [А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Трудно быть богом (1963)].
- (23) а. *Вы_i, разрешите мне_j поделиться своим_j открытием с соседями?* [Л. Юзефович. Дом свиданий (2001), НКРЯ]
б. *Сегодня Маленков_i разрешил Вите_j пользоваться своим_j кабинетом...* [А. Мотов. Преступление доктора Паровозова (2013), НКРЯ]

Исходя из этого и предполагая влияние русской системы контроля рефлексива на нанайскую, естественно было бы в семантически соответствующих данным нанайских конструкциях усматривать большую склонность к дистантному контролю рефлексива. Последовательные данные такого рода получены только от одного информанта (найхинский говор)

и только для легких посессивных рефлексивов. Они обобщаются в таблице 9 и иллюстрируются примерами ниже.

Таблица 9

**Сентенциальные актанты,
соответствующие русским инфинитивным конструкциям**

Нанайская конструкция	Русский эквивалент	Рефлексив	Личное местоимение
<i>un-</i> ‘говорить’ + CVB.PURP	<i>велеть</i> + INF, <i>сказать, чтобы</i>	main/dep	main, *dep
<i>gələ-</i> ‘искать’ + CVB.PURP	<i>просить</i> + INF, <i>хотеть, чтобы</i>	main/dep	main, *dep
<i>alose-</i> ‘учить’ + CVB.PURP	<i>учить</i> + (как) INF	main/dep	main, *dep
<i>čexala-</i> ‘разрешать’ + NMLZ-ACC	<i>разрешить</i> + INF	dep	main, *dep

Первые три конструкции из таблицы 9, действительно, ведут себя точно так же, как соответствующие русские, а именно допускают как локальный (со стороны субъекта зависимой клаузы), так и дистантный (со стороны субъекта главной клаузы) контроль рефлексива, см. (24):

- (24) *tarača* *tama-či* *un-ži-ni* *tətuə-ji* *ulpi-gu-ə-ni*
старик старуха-DIR говорить-PRS-3SG одежда-P.REFL.SG шить-CVB.PURP-OBL-3SG
‘Старик_i велит старухе_j зашить свой_i (^{OK}его_i/^{OK}ее_j) халат’ (elicit.).

Однако, во-первых, как минимум для двух из конструкций в русском языке есть и финитные аналоги (*хотеть, чтобы; сказать/приказать, чтобы*), и именно они на самом деле предлагались в качестве исходных стимулов. Во-вторых, иначе ведет себя конструкция с глаголом ‘разрешать’, интерпретируемая локально, при том что аналогичная русская конструкция допускает контроль со стороны субъекта главной клаузы как раз вполне свободно (23б), ср. (25):

- (25) *ama* *čexala-xa-ni* *mī* *teočam-bi* *žap-i-j-ə*
отец разрешать-PST-3SG 1SG ружье-P.REFL.SG брать-PRS-1SG-ACC
‘Отец_i разрешил мне_j взять свое_i (мое_j/^{*}его_i) ружье’ (elicit.).

Следовательно, дело тут не во влиянии русского языка или как минимум не только в нем. Разница между конструкциями типа (24) и (25) состоит, во-первых, в том, что они требуют разного оформления глагола в зависимой клаузе — целевым деепричастием vs. причастием в аккузативе (т. е. конструкции второго типа не отличаются от рассмотренных в разделе 4). Во-вторых, что, кажется, важнее, в конструкции второго типа семантический субъект зависимой клаузы выражается в ней же и оформляется номинативом (*mī* ‘я’), а в конструкции первого типа он выражается в главной клаузе (*tamači* ‘старухе’), в зависимой же остается невыраженным. По всей видимости, в терминах синтаксических работ по рефлексивам, для нанайского рефлексива принципиальной тут оказывается не локальность/дистантность, а ориентация на подлежащее (менее релевантная для русского языка).

Полипредикативные конструкции с глаголом *bələči-* ‘помогать’ (проверенные для четырех информантов) проявляют значительную вариативность и нуждаются, видимо, в дополнительном исследовании. Вершина зависимой клаузы может оформляться как причастной формой в аккузативе (тип 2), так и формой целевого деепричастия (тип 1). Бенефициарий (тот, кому помогают) либо выражается в главной клаузе и оформляется аккузативом (или, под влиянием русского языка, дативом), а в зависимой остается невыраженным (тип 1), либо оформляется как подлежащее зависимой клаузы, а в главной не выражается (тип 2) — но эти два параметра в речи опрошенных носителей не настолько отчетливо коррелируют между собой, как предполагалось бы исходя из анализа выше. Интерпретация рефлексива разнится по информантам, но дистантная допускается — одним из информантов в некоторых контекстах в качестве единственной возможности.

Таким образом, по предварительным данным можно сказать, что для этого фрагмента нанайской системы, несмотря на кажущееся сходство с русской, постулировать сильное влияние русского языка не имеет смысла. В нанайской «новой» системе противопоставлены конструкции с выраженным номинативным подлежащим в зависимой клаузе и без такового, и этот параметр (ориентация на подлежащее), менее релевантный для русской системы, оказывается важен независимо от того, как оформляется соответствующая полипредикативная конструкция в русском языке. Некоторыми исследователями грамматических изменений в исчезающих языках неоднократно высказывались идеи о том, что модель, согласно которой в такой социолингвистической ситуации ожидаются обязательные и повсеместные структурные изменения во всех фрагментах системы и что если они имеют место, то обязательно приводят к конвергенции (сходству с доминирующим языком), с очевидностью является слишком упрощенной. См. об этом в особенности в работах Н. Дориан (например, [Dorian 1982; 1989]).

Можно, впрочем, интерпретировать имеющиеся данные с точки зрения контактного влияния и несколько иначе. Русские инфинитивные конструкции объединяет тот факт, что во всех них ситуация матричного предиката и ситуация, выраженная сентенциальным актантом, имеют общего участника (в сентенциальном актанте его роль — субъектная). Можно считать, что в нанайском языке аналогичным образом осмысливается только часть приведенных конструкций, а именно конструкции первого типа (с глаголами *un-*, *alose-* и др.), в которых, как и в русском языке, этот общий участник выражается единожды — в главной клаузе. О конструкциях же второго типа (как с глаголом *čexala-*) можно предположить, что они, в соответствии со своей поверхностной структурой и в отличие от приблизительного русского переводного эквивалента, общего участника для главной и зависимой клауз не предполагают. Иначе говоря, ситуация *čexala-*, в отличие от русск. *разрешить*, на семантическом уровне не предполагает адресата (ср. второе, возможно, более точное, значение этого глагола в словаре [Оненко 1980] — ‘согласиться’) и вследствие этого с русской инфинитивной конструкцией, несмотря на кажущуюся близость, в сознании носителей вообще не соотносится и контактному влиянию не подвергается именно из-за разницы в (семантической) аргументной структуре, а не из-за действия каких бы то ни было правил, связанных собственно с контролем рефлексива.

6. Смежный случай: рефлексивы в каузативной конструкции

В качестве смежной с проблематикой контроля рефлексива в полипредикации ниже будет кратко рассмотрена проблематика контроля рефлексива в моноклаузальных конструкциях, на семантическом уровне вводящих более одной ситуации с разными субъектами.

В нанайском языке есть моноклаузальная конструкция с морфологическим маркером каузатива (*-wal*) на глаголе. Можно предполагать при этом, что в семантическом представлении она вводит две отдельные ситуации:

- а) семантически главную ситуацию каузации — с субъектом-каузаторм, синтаксическим субъектом конструкции;
- б) семантически зависимую каузируемую ситуацию, обозначаемую исходным глаголом, — с субъектом-каузируемым, маркируемым в конструкции аккузативом.

Конкуренции за роль контролера рефлексива, соответственно, можно ожидать между каузатором и каузируемым. Первый претендует на нее в силу своего поверхностно-синтаксического статуса подлежащего, второй — в силу семантического статуса субъекта зависимой ситуации.

В контексте проблематики контактного влияния русского языка важно, что — в отличие от рассмотренных выше полипредикативных конструкций, каждая из которых, несмотря на общее несходство синтаксических систем, так или иначе находит конкретную

синтаксическую параллель в русском языке, — для конструкции с морфологическим каузативом прямого аналога в русском языке нет.

Материал, полученный от носителей нанайского языка, дает следующую картину, схематично отраженную в таблице 10.

1. Для каузатора контроль рефлексива в целом более доступен, чем для каузируемого.
2. Наблюдается разница между именным и посессивным рефлексивом: первый легче второго допускает контроль со стороны каузируемого.
3. Наблюдается разница между тяжелым и легким рефлексивом: контроль со стороны каузируемого возможен для первого, но не для второго, ср. примеры (26) и (27). Распределение между тяжелым и легким рефлексивами в каузативной конструкции согласуется с тем распределением, которое фиксируется в «старой» системе для полипредикации: более локальный контроль (здесь — со стороны каузируемого) для тяжелого рефлексива, более дистантный — для легкого.

Таблица 10

Рефлексивы в каузативной конструкции

Анафорическое средство	Местоимение	Посессивный суффикс
Легкий рефлексив	каузатор	каузатор
Тяжелый рефлексив	каузируемый	каузатор/каузируемый
Личное местоимение (или суффикс)	*	каузируемый

- (26) *arčokan naonžokam-ba m̄p̄i uləsi-wəŋ-ki-ni*
 девочка мальчик-ACC REFL.ACC любить-CAUS-PST-3SG
 ‘Девочка_i заставила мальчика_i полюбить **ЕЕ_i**’ (elicit.).

- (27) *arčokan naonžokam-ba m̄nə m̄p̄i uləsi-wəŋ-ki-ni*
 девочка мальчик-ACC сам REFL.ACC любить-CAUS-PST-3SG
 ‘Девочка_i заставила мальчика_i полюбить (самого) **СЕБЯ_i**’ (elicit.).

Следует отметить, что проверялись только контексты типа (26) и (27) с очевидно незначительной степенью семантической интеграции ситуации каузации и каузируемой ситуации — и очевидно нелексикализованным употреблением суффикса каузатива. Для ситуаций с большей степенью семантической интеграции, для некоторых из которых также возможно выражение с помощью морфологического каузатива, которое скорее хочется признать лексикализованным (как, например, *sea-wan*- ‘кормить: есть-CAUS’), естественно ожидать более жестких запретов на контроль со стороны каузируемого.

7. Параллели из удэгейского языка

Интересно, что система, представленная, по данным описания [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 779—780], в генетически близком к нанайскому удэгейском языке, значительно больше напоминает «новую» систему нанайского языка, чем «старую» систему, описанную В. А. Аврориным. Авторы описания отмечают возможность контроля рефлексива субъектом вышестоящей клаузы. Однако в качестве единственной позиции, для которой реализуется эта возможность, называется позиция посессора при субъекте зависимой клаузы, как в (28).

- (28) удэгейский [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 779]
ise-sī-ni, b'ata-ŋi oto aziga gutu eme-ini
 видеть-IPFV-3SG мальчик-P.REFL один девочка EVID приходить-3SG
 ‘(Мать_i) видит, что идут **ЕЕ_i** сын и какая-то девочка’.

Подозревать контактное влияние в данном случае, как кажется, нет оснований. В настоящий момент нанайцы с удэгейцами практически не контактируют: удэгейцы в районах компактного проживания нанайцев почти не живут; нанайцы, живущие в районах компактного проживания удэгейцев (Приморский край, бикинский диалект нанайского языка), язык практически полностью утратили, к тому же носители того и другого языка свободно владеют русским, и он оказывается для них наиболее естественным языком-посредником.

Что касается генетически более далеких от нанайского тунгусо-маньчжурских языков, то таких широких возможностей контроля рефлексива через границу клаузы, как в «старой» нанайской системе, в них, насколько нам известно, также не наблюдается. Ср., например, очень подробное описание правил употребления рефлексива в эвенкийском языке в [Nedjalkov 1997: 109 ff], из которого следует, что антецедент рефлексива всегда находится в пределах той же клаузы, в том числе в случаях зависимых клауз разных типов, включая нефинитные.

8. Заключение

Рассмотренные выше данные демонстрируют следующую картину. В нанайском языке обнаруживается две системы контроля рефлексива в полипредикации. Первая (описанная В. А. Аврориным в середине XX в.) с регулярным контролем рефлексива через границу клаузы и вторая (наблюдаемая в настоящий момент у современных носителей нанайского языка) с преимущественным контролем рефлексива внутри клаузы.

В работе высказано предположение о том, что мы имеем дело с результатами достаточно быстрого изменения грамматической системы, происходящего на наших глазах. В частности, полученные данные свидетельствуют о заметной ее нестабильности на синхронном уровне: имеет место вариативность между говорящими и в данных от одного и того же носителя языка. Скорость изменения можно связать с социолингвистическими факторами, а именно с постепенным выходом нанайского языка из употребления в качестве средства повседневного общения. Сам характер изменения можно, с одной стороны, объяснить влиянием русского языка (в котором правила употребления рефлексивов гораздо ближе ко второй, «новой» нанайской системе, чем к первой, «старой») и общими тенденциями к изменению грамматики исчезающего языка. С другой стороны, его отчасти можно соотнести с общей перестройкой языковой системы (наблюдаемой в нанайском языке на протяжении гораздо более долгого времени и напрямую с социолингвистическими факторами не связанной), а именно с размыванием границы между нефинитными формами («причастиями») и финитными и следующим из этого приобретением зависимыми клаузами (которые оформляются нефинитными формами) статуса более полноценных, не редуцированных клауз, а их субъектами — статуса прототипических подлежащих.

Что касается свидетельств перехода от «старой» системы к «новой» и данных о более стабильных фрагментах системы контроля рефлексива и менее стабильных, то тут можно отметить следующие факты. Самой стабильной позицией, в которой контроль через границу клаузы последовательно сохраняется в том числе и в новой системе, оказывается позиция посессивного рефлексива при субъекте зависимой клаузы. Это та позиция, для которой, в отличие от прочих, логически невозможна конкуренция между потенциальными контроллерами рефлексива (в остальных случаях это, соответственно, субъект главной клаузы и субъект зависимой).

В работе предложена гипотеза о том, как именно реинтерпретируется система правил контроля рефлексива в зависимой клаузе у современных носителей-билингвов, имеющих ограниченный доступ к нанайскому инпуту (порождаемому носителями «старой» системы) и дополнительный доступ к русскому инпуту.

В качестве одной из промежуточных стратегий, характеризующей этап нестабильности между «старой» системой и «новой», можно назвать стратегию избегания легких рефлексивов (ведущих себя в старой и новой системах по-разному).

Среди семантико-синтаксических типов зависимых клауз самыми устойчивыми (т. е. в наибольшей степени сохраняющими возможность контроля через границу клаузы) оказываются сентенциальные актанты и целевые клаузы, что можно связать с большей интеграцией этих типов зависимых клауз в главную.

Отдельный вопрос касается того, можно ли наблюдаемое изменение системы интерпретировать в терминах упрощения. Известно, что именно тенденции к упрощению естественно ожидать от резких грамматических изменений, обусловленных неблагоприятной для языка социолингвистической обстановкой. «Новая» система контроля рефлексива проще «старой» как минимум с той точки зрения, что в ней единообразно ведут себя тяжелые и легкие рефлексивы, поведение которых регулировалось разными правилами в «старой» системе. С другой стороны, наоборот, более сложной ее можно считать с той точки зрения, что она предполагает не единые правила контроля для всех синтаксических позиций рефлексива (последовательный контроль всех рефлексивов субъектом главной клаузы), а разные правила для разных. Такого рода сложность, впрочем, можно объяснять переходным характером наблюдаемой системы. В качестве конечной точки происходящего изменения (которой нанайский язык на данный момент не достигает) можно видеть систему типа русской, в которой правила также единообразны (но отличаются от правил «старой» нанайской системы: последовательный контроль всех рефлексивов внутри клаузы). При этом предложенная в работе модель структурных изменений, как кажется, объясняет, почему «новая» система правил контроля приходит именно к такому (хотя и, возможно, неокончательному) виду.

Внутри нанайской «новой» системы контроля рефлексива отмечаются также отдельные фрагменты, очевидно устойчивые к возможному контактному влиянию и определяемые собственными, внутриязыковыми правилами. Это, например, некоторые сентенциальные актанты, в первом приближении соответствующие русским инфинитивным сентенциальным актантам (при глаголах типа *помогать*, *разрешать*), а также моноклаузальные конструкции с каузативным суффиксом.

Нельзя не признать, что проведенное исследование (отчасти по объективным причинам, связанным с социолингвистической ситуацией: малым количеством информантов и индивидуальными ограничениями в работе с каждым из них) не лишено методологических недостатков. Получены данные от очень небольшого числа носителей двух разных говоров, причем говор в этих данных коррелирует с возрастом носителей. Кроме того, данные получены достаточно грубыми методами перевода и оценки предложений с использованием в качестве языка-посредника русского. Все это заставляет расценивать полученные результаты как предварительные и требующие, если это окажется возможным, дальнейшей верификации. В частности, планируется по возможности расширить круг опрошенных носителей и использовать методику, исключаящую не системную, а ситуативную интерференцию с языком посредником, а именно картиночные тесты на понимание (выбор одной из двух картинок, соответствующей стимульному предложению на нанайском языке).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо
 ABL — аблатив
 ACC — аккузатив
 CAUS — каузатив
 COND — условное дееспричастие
 CONJ — союз
 CVB — дееспричастие
 DAT — датив
 DEB — дебитив
 DEP — зависимая клауза

DEST — дестинатив
 DIM — диминутив
 DIR — директив
 EMPH — эмфаза
 ESS — эссив
 EVID — эвиденциальность
 FIN — финитный глагол
 FUT — будущее время
 IMP — императив
 IMPS — имперсонал

INCH — инхотив	PART — частица
INF — инфинитив	PERS — показатель лица-числа
INS — инструменталис	PL — множественное число
IPFV — имперфектив	POSS — посессивный показатель
LIMIT — лимитатив	PRS — настоящее время
LOC — локатив	PST — прошедшее время
MAIN — главная клауза	PURP — целевое деепричастие
MPURP — показатель движения с целью	REFL — рефлексив
NEG — отрицание	REP — рефактив
NMLZ — номинализация	SVJ — субъект
NPST — непрочешшее время	SG — единственное число
NSIM — одновременность	SIM — одновременность
OBL — косвенный падеж	V — глагол
ORD — показатель порядкового числительного	VBLZ — вербализатор
P — посессивный аффикс	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аврорин 1959 — Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. I. М.; Л.: Наука, 1959. [Avrorin V. A. *Grammatika nanaiskogo yazyka* [Nanai grammar]. Vol. I. Moscow; Leningrad: Nauka, 1959.]
- Аврорин 1961 — Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. II. М.; Л.: Наука, 1961. [Avrorin V. A. *Grammatika nanaiskogo yazyka* [Nanai grammar]. Vol. II. Moscow; Leningrad: Nauka, 1961.]
- Аврорин 1986 — Аврорин В. А. Материалы по нанайскому языку и фольклору. Л.: Наука, 1986. [Avrorin V. A. *Materialy po nanaiskomu yazyku i fol'kloru* [Nanai language and folklore materials]. Leningrad: Nauka, 1986.]
- Бельды, Булгакова 2012 — Бельды Р. А., Булгакова Т. Д. Нанайские сказки. Norderstedt: Verlag der Kulturstiftung Sibirien/SEC Publ., 2012. [Bel'dy R. A., Bulgakova T. D. *Nanaiskie skazki* [Nanai tales]. Norderstedt: Verlag der Kulturstiftung Sibirien/SEC Publ., 2012.]
- Герасимова 2006 — Герасимова А. Н. Полипредикативные конструкции нанайского языка в сопоставлении с улчским. Дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2006. [Gerasimova A. N. *Polipredikativnye konstruksii nanaiskogo yazyka v sopostavlenii s ul'chskim. Kand. diss.* [Polipredicative structures of Nanai compared with Ulch]. Novosibirsk: Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2006.]
- Калинина и др. 2016 — Калинина Е. Ю., Осольская С. О., Гусев В. Ю. Нанайский язык // Михальченко В. Ю. (ред.). Язык и общество. Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016. [Kalinina E. Yu., Oskol'skaya S. O., Gusev V. Yu. The Nanai language. *Yazyk i obshchestvo. Entsiklopediya*. Mikhail'chenko V. Yu. (ed.). Moscow: Azbukovnik, 2016.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Оненко 1980 — Оненко С. Н. Нанайско-русский словарь. М.: Русский язык, 1980. [Onenko S. N. *Nanaisko-russkii slovar'* [Nanai-Russian dictionary]. Moscow: Russkii yazyk, 1980.]
- Сметина 2015 — Сметина А. С. Употребление глагольных форм в роли предиката независимого предложения в нанайском языке: глагол и причастие. Курсовая работа. СПб.: СПбГУ, 2015. [Smetina A. S. *Upotreblenie glagol'nykh form v roli predikata nezavisimogo predlozheniya v nanaiskom yazyke: glagol i prichastie. Kursovaya rabota* [The use of verbal forms in the role of independent sentence predicate in Nanai: Verb and participle. Term paper]. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., 2015.]
- Akiyama 2002 — Akiyama Y. Japanese adult learners' development of the locality condition on English reflexives. *Studies in Second Language Acquisition*. 2002. Vol. 24. No. 1. Pp. 27—54.
- Andersen 1982 — Andersen R. W. Determining the linguistic attributes of language attrition. *The loss of language skills*. Lambert R. D., Freed B. F. (eds.). London: Newbury House, 1982. Pp. 83—118.
- Campbell, Muntzel 1989 — Campbell L., Muntzel M. C. The structural consequences of language death. *Investigating obsolescence: Studies in language contraction and death*. Dorian N. C. (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1989. Pp. 181—196.
- Chien, Wexler 1990 — Chien Y.-C., Wexler K. Children's knowledge of locality conditions in binding as evidence for the modularity of syntax and pragmatics. *Language Acquisition*. 1990. Vol. 1. No. 3. Pp. 225—295.

- Chomsky 1981 — Chomsky N. *Lectures on government and binding*. Dordrecht: Foris, 1981.
- Cole, Hermon 1998 — Cole P., Hermon G. Long distance reflexives in Singapore Malay: An apparent typological anomaly. *Linguistic Typology*. 1998. Vol. 2. No. 1. Pp. 57—77.
- Cole et al. 1990 — Cole P., Hermon G., Sung L.-M. Principles and parameters of long-distance reflexives. *Linguistic Inquiry*. 1990. Vol. 21. No. 1. Pp. 1—22.
- Cole et al. (eds.) 2001 — Cole P., Hermon G., Huang C.-T. J. (eds.). *Long-distance reflexives*. (Syntax and semantics, 33.) San Diego (CA): Academic Press, 2001.
- Cole et al. 2006 — Cole P., Hermon G., Huang C.-T. J. Long-distance anaphors: An Asian perspective. *The Blackwell companion to syntax*. Everaert M., van Riemsdijk H. (eds.). Malden (MA): Blackwell, 2006. Pp. 21—84.
- Domínguez et al. 2012 — Domínguez L., Hicks G., Song H.-J. Untangling locality and orientation constraints in the L2 acquisition of anaphoric binding: A feature-based approach. *Language Acquisition*. 2012. Vol. 19. No. 4. Pp. 266—300.
- Dorian 1982 — Dorian N. C. Language loss and maintenance in language contact situations. *The loss of language skills*. Lambert R. D., Freed B. F. (eds.). London: Newbury House, 1982. Pp. 44—59.
- Dorian 1989 — Dorian N. C. Introduction. *Investigating obsolescence: Studies in language contraction and death*. Dorian N. C. (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1989. Pp. 1—12.
- Faltz 1977 — Faltz L. M. *Reflexivization: A study in universal syntax*. PhD dissertation. Berkeley (CA): Univ. of California, 1977.
- Gürel 2004 — Gürel A. Attrition in L1 competence: The case of Turkish. *First language attrition: Interdisciplinary perspectives on methodological issues*. Schmid M. S., Köpke B., Keijzer M., Weilemar L. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2004. Pp. 225—242.
- Haspelmath 2008 — Haspelmath M. A frequentist explanation of some universals of reflexive marking. *Linguistic Discovery*. 2008. Vol. 6. No. 1. Pp. 40—63.
- Hyams, Sigurjónsdóttir 1990 — Hyams N., Sigurjónsdóttir S. The development of “long-distance anaphora”: A cross-linguistic comparison with special reference to Icelandic. *Language Acquisition*. 1990. Vol. 1. No. 1. Pp. 57—93.
- Kemmer 1993 — Kemmer S. *The middle voice*. Amsterdam: John Benjamins, 1993.
- Koster, Reuland (eds.) 1991 — Koster J., Reuland E. (eds.). *Long-distance anaphora*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991.
- Manzini, Wexler 1987 — Manzini R., Wexler K. Parameters, Binding Theory, and learnability. *Linguistic Inquiry*. 1987. Vol. 18. No. 3. Pp. 413—444.
- Matsumura 2007 — Matsumura M. Semantics behind the structure, and how it affects the learner: A new perspective on Second Language reflexives. *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*. 2007. Vol. 45. No. 4. Pp. 321—352.
- Nedjalkov 1997 — Nedjalkov I. *Evenki*. London: Routledge, 1997.
- Nikolaeva, Tolskaya 2001 — Nikolaeva I., Tolskaya M. *A grammar of Udihe*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2001.
- Pica 1987 — Pica P. On the nature of the reflexivization cycle. *Proceedings of the North East Linguistic Society*. 1987. Vol. 17. No. 2. Pp. 483—500.
- Reuland 2006 — Reuland E. Icelandic logophoric anaphora. *The Blackwell companion to syntax*. Everaert M., van Riemsdijk H. (eds.). Malden (MA): Blackwell, 2006. Pp. 545—557.
- Sakel 2007 — Sakel J. Types of loan: Matter and pattern. *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective*. Matras J., Sakel J. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2007. Pp. 15—29.
- Sasse 1992 — Sasse H.-J. Language decay and contact-induced change: Similarities and differences. *Language death: Factual and theoretical explorations with special reference to East Africa*. Brenzinger M. (ed.). Berlin: De Gruyter Mouton, 1992. Pp. 59—80.
- Sasse 2001 — Sasse H.-J. Typological changes in language obsolescence. *Language typology and language universals: An international handbook*. Vol. 2. Haspelmath M. et al. (eds.). Berlin: Walter de Gruyter, 2001. Pp. 1668—1677.
- Song 2013 — Song H.-J. *Second Language acquisition of pronominal binding by learners of Korean and English*. PhD dissertation. Southampton: Univ. of Southampton, 2013.
- Thomas 1993 — Thomas M. *Knowledge of reflexives in a second language*. Amsterdam: John Benjamins, 1993.
- Timberlake 2004 — Timberlake A. *A reference grammar of Russian*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004.
- Trudgill 1977 — Trudgill P. Creolization in reverse: Reduction and simplification in the Albanian dialects of Greece. *Transactions of the Philological Society*. 1977. Vol. 75. No. 1. Pp. 32—50.

- Trudgill 2011 — Trudgill P. *Sociolinguistic typology: Social determinants of linguistic complexity*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2011.
- Verstraete 2008 — Verstraete J.-Ch. The status of purpose, reason, and intended endpoint in the typology of complex sentences: Implications for layered models of clause structure. *Linguistics*. 2008. Vol. 46. No. 4. Pp. 757—788.
- Yip, Tang 1998 — Yip V., Tang G. Acquisition of English reflexive binding by Cantonese learners. *Morphology and its interfaces in Second Language knowledge*. Beck M. L. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 1998. Pp. 165—193.

Получено/received 17.06.2017

Принято/accepted 12.09.2017